

О. С. Поршнева

Уральский федеральный университет

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В XX В. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАКТИКУ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Источниковедение, будучи особой отраслью исторического знания и самостоятельной научной дисциплиной, является в своем теоретическом аспекте составной частью методологии истории, имеет не только прикладное, методическое, но и теоретико-методологическое значение. Выработка источниковедческих подходов определяется решением основных эпистемологических проблем исторической науки. Понимание характера связи между субъектом и объектом исторического познания: историком, источником и реальностью прошлого тесным образом коррелирует с представлением о природе и специфике истории, отличающей ее от естественных наук и других социально-гуманитарных дисциплин. С другой стороны, проблема источника тесно связана с проблемой метода исторической науки, являющейся центральной в методологии, так как она соединяет теорию и практику исторического исследования. Метод в качестве своей важнейшей составляющей включает правила, приемы, процедуры исследования источников, определяемые, в свою очередь, теоретическими подходами, используемыми историком¹. По мнению некоторых исследователей, метод в узком значении можно рассматривать как приемы критики исторических источников, прежде всего письменных². Эволюция представлений об историческом источнике, его природе, путях и методах критики и интерпретации должна рассматриваться, в силу указанных обстоятельств, в контексте анализа смены научных парадигм и эпистемологических подходов в исторической науке, оказавших наибольшее влияние на ее современное состояние.

Методы исследования исторических источников, давшие строгие основания профессионализма в историческом познании, были разработаны в позитивистской историографии во второй половине XIX века. Ранее были выработаны и применялись лишь общие принципы обращения к произведению и авторству как способу понимания произведения, проникновения в глубинный смысл текста источника³.

В рамках позитивизма сложилось представление о прямом отражении в источниках реальности прошлого, о том, что «источники говорят сами за себя», стоит лишь определить достоверность содержащейся в них информации. Вопрос об активной роли познающего субъекта, придающего со-

общениям источника статус исторического факта с определенным значением, как и о человеческом происхождении документов прошлого, не рассматривался в качестве приоритетного. Попыткой разрешить проблему субъективности познания было разделение источников на «объективные» («остатки») и «субъективные» («предания» о них). Однако со временем становилось все более очевидным, что это разделение условно, а источник в действительности является одновременно и «остатком» и «преданием». Осмысление возможностей и проблем адекватного понимания прошлого и людей прошлых эпох на основе исторических источников, трудностей в процессе их познания началось за пределами позитивизма.

На рубеже XIX – XX вв., а еще более определенно – после Первой мировой войны – стали ощущаться недостаточность позитивистского метода, его кризис, появились альтернативные по отношению к позитивизму научные подходы к исследованию источников. Самое яркое выражение борьба с позитивистской методологией, в том числе в сфере теоретического источниковедения, нашла в деятельности М. Блока и Л. Февра — основателей одного из самых влиятельных в западной науке направлений — школы «Анналов». История, вопреки господствовавшему тогда представлению, должна была превратиться из повествования о событиях и процессах, характеризующих деяния великих людей и народов, в исследование человека прошлых обществ – индивидуума с присущими ему сознанием, поведением, образом жизни, формами деятельности. Это потребовало переосмысления проблемы источниковой базы исторического труда, подходов к ее формированию, анализу и интерпретации. Прежде всего был поставлен вопрос о расширении понятия исторический источник, отказа от традиционной иерархии используемых источников с ее приоритетом архивных документов, повышения статуса источников, считавшихся ранее «второстепенными». Л. Февр писал, что история использует все тексты, а не только архивные документы: и стихи, и картины, и пьесы – «все это тоже источники, свидетельства живой человеческой истории, пронизанные мыслью и призывом к действию»⁴. Он настаивал, что историк должен использовать все источники, какова бы ни была их природа, «...те в особенности, что порождены бурным расцветом новых дисциплин: статистики; демографии...; лингвистики...; психологии...»⁵. По мнению Л. Февра, необходимо внимательно исследовать словарь изучаемого времени, присущие людям символы и ритуалы, в которых выражаются существенные аспекты их поведения, литературу и искусство, конфигурации полей и характер пейзажа, данные археологии и истории техники, т.е. все то, что причастно человеку, исходит от него, выражает его. При этом историк не должен выступать в качестве «собираателя мусора», а должен целенаправленно искать следы человеческой мысли и деятельности⁶.

Принципы и методы исследования источников, базирующиеся на понимании процесса познания прошлого как диалога историка и людей минувших эпох, опирающегося на инструментарий и достижения всех наук, нашли дальнейшее развитие во второй пол. XX в. в трудах последующих поколений «анналистов», представителей других направлений историографии⁷. Особое значение для развития источниковедения в этот период имела теоретическая рефлексия, порожденная формированием структуралистской, а затем постструктуралистской парадигм в социальных и гуманитарных науках. Осмысление их достижений в изучении человеческих культур способствовало, в частности, осознанию символического характера всех проявлений человеческой жизнедеятельности. Для ее изучения историки стали применять теоретические подходы и методики исследования символических систем, имеющиеся в арсенале семиотики. Ключ к новому, семиотическому, пониманию источника дал Ю. М. Лотман, который предложил рассматривать его текст как зашифрованное описание, требующее реконструкции набора кодов, которыми пользовался создатель текста, и установления их корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь⁸. Таким образом, семиотика истории предложила выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника⁹.

Понимание связи между историком, источником и историческим контекстом (реальностью прошлого) заметно усложнилось в последние десятилетия, на первый план вышла, порожденная современной гуманитарной рефлексией, проблема интерпретации корреляции источниковой информации и социально-исторического контекста¹⁰. Это обусловило включение в методологический арсенал исторической науки современных концепций философской герменевтики, теорий языка и дискурса, воплощающихся в новых методиках исследования источников.

Герменевтика, которая изначально выступала как искусство толкования текстов и учение о принципах их интерпретации, рассматривается сегодня как общая теория понимания и все настойчивее претендует на статус универсальной философской науки¹¹. Так, в рамках герменевтики был разработан принцип «лучшего понимания», выдвинутый впервые Ф. Шлейермахером — понять текст и его автора лучше, чем сам автор понимал себя и свое собственное творение¹². А. К. Соколов обращает внимание на влияние постструктурализма и подходов современной герменевтики на практику исследования источников: «Если в старой герменевтике требовалось идти путем максимальной актуализации субъективного восприятия исследователя, ...то в современной базу настоящего исторического труда должно составлять предварительное понимание, заданное традицией»¹³. Поскольку носителем традиции и понимания является язык, то, в представлениях основателей постструктурализма, в частности,

Ж. Деррида, место спекулятивных положений должна занять работа с языком, с текстом. Конечная цель такой работы – обнаружение за тем, что кажется непосредственно данным в источнике, культуры письма¹⁴.

Интеллектуальные вызовы эпохи постмодернизма выявили реальные трудности познания исторической реальности, которая не может быть непосредственно наблюдаемой и измеряемой, дали мощный импульс творческим поискам историков, обратив внимание на дискурсивность социальной реальности и самого процесса исследования, неотделимых от речевых практик, необходимость изучения языка как выразителя, хранителя и транслятора социальных значений, обращения к методам психологии и психоанализа. Лингвистический поворот, порожденный постмодернизмом и оказавший влияние на практику изучения источников, усилил внимание к интерпретации языка и текстов как форм конструирования и репрезентации не только исторического опыта, но и исторических исследований.

Современные тенденции в толковании проблемного поля и возможностей исторического исследования порождают вполне определенные источниковедческие подходы. Они базируются на понимании исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры¹⁵. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, на обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе различные аспекты развития общества и личности¹⁶.

Одним из важнейших источниковедческих подходов является принцип соответствия характера и типа используемых источников предмету исследования, а также методам их обработки (принцип «изоморфности»). Так, нарративные индивидуальные и массовые источники предполагают применение интерпретативных методик, контент-анализа; массовые источники, имеющие стандартизированную форму, целесообразно исследовать с помощью создания баз данных, способных обеспечить комплексное использование их сведений, и т.д. Квантитативные методы обработки информации источников, прежде всего массовых, не утратили, несмотря на некоторый спад интереса к ним, своего значения. Квантификация, по справедливому замечанию А. К. Соколова, вовсе не противоречит дискурсу, хотя бы потому, что счет и измерение являются неотъемлемой характеристикой речевых практик и языковых конструкций¹⁷.

Таким образом, осознание «непрозрачности» всякой социальной реальности, не имеющей прямого и непосредственного выражения в источниках, определило использование в источниковедении интеллектуального инструментария и исследовательских методик, порожденных развитием всего комплекса современного научного знания.

-
- ¹ См: *Иванов В. В.* Методология исторической науки. М., 1985. С. 97; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 39; *Визгин В. П.* Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 39.
- ² *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 58.
- ³ *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский и др.* М., 2000. С. 35.
- ⁴ *Февр Л.* Суд совести истории и историка // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 20.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 49.
- ⁷ См.: *Поршинева О. С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Изд. 2-е. Екатеринбург, 2009. С. 36-49.
- ⁸ *Лотман Ю. М.* Проблема исторического факта// *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 302.
- ⁹ *Филлюшкин А. И.* Методологические инновации в современной российской исторической науке// *АСТІО NОVА*, 2000. С. 26.
- ¹⁰ *Керов В. В.* Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода// *Россия в XX веке: Люди, идеи, власть.* М., 2002. С. 81.
- ¹¹ *Герменевтика в России: Сб. науч. трудов. Вып. 1.* Воронеж, 2002. С. 4.
- ¹² *Кузнецов В. Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления// *Герменевтика в России: Сб. науч. трудов. Вып. 1.* С. 18.
- ¹³ *Соколов А. К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения// *Социальная история. Ежегодник, 1998/99.* М, 1999. С. 47.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Медушевская О. М.* Феноменология культуры: Концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // *Исторические записки.* М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.
- ¹⁶ *Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории.* С. 26-27.
- ¹⁷ *Соколов А. К.* Указ. соч. С. 71.